

Исламское высшее образование в России: локальный опыт и влияние Ближнего Востока

© Исаев Л.М.^{a,b,c,d}, Шишкина А.Р.^{a,b,e}, Иванов Е.А.^{a,c,f}, 2022

^a НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

^b Институт Африки РАН, Москва, Россия

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

^d ORCID ID: 0000-0003-4748-1078; isleonid@yandex.ru

^e ORCID ID: 0000-0002-2544-9184; ashishkina@hse.ru

^f ORCID ID: 0000-0003-2798-7880; eivanov@hse.ru

Резюме. Распад советской системы на Северном Кавказе сопровождался реисламизацией, чему, помимо прочего, способствовало влияние религиозных и государственных акторов Ближнего Востока. Одним из проявлений возрождения исламской традиции стал возросший спрос на религиозное образование. Часть мусульман, в основном старшие поколения, выступали за возврат к досоветским традициям ислама, тогда как молодежь ориентировалась на веяния, дошедшие с Ближнего Востока. В России сфера исламского образования до сих пор слабо институционализирована и практически не регулируется государством, ввиду чего деятельность исламских учебных заведений остается в «серой зоне». При этом, с одной стороны, развитие исламского образования препятствует распространению радикальных идей; с другой - оставаясь исключенным из системы государственного школьного и высшего образования, нерегулируемое исламское просвещение на Северном Кавказе может породить рост социально-политической нестабильности в регионе. Авторы приходят к выводу, что для улучшения сложившейся ситуации в ближайшей перспективе следует расширить перечень предметов, изучаемых в исламских вузах, чтобы выпускники имели более широкий круг навыков и компетенций. В долгосрочной перспективе необходимо совершенствовать исламское высшее образование по опыту мировых лидеров в этой сфере.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, Дагестан, Ближний Восток, исламское образование, ислам, терроризм

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта № 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Исаев Л.М., Шишкина А.Р., Иванов Е.А. Исламское высшее образование в России: опыт и влияние Ближнего Востока. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 5-14. DOI: 10.31857/S032150750018302-4

Islamic education in Russia: Local experience and the influence of the Middle East

© Leonid M. Issaev^{a,b,c,d}, Alisa R. Shishkina^{a,b,e}, Evgeny A. Ivanov^{a,c,f}, 2022

^a HSE University, Moscow, Russia

^b Institute for African Studies, Moscow, Russia

^c RUDN University, Moscow, Russia

^d ORCID ID: 0000-0003-4748-1078; isleonid@yandex.ru

^e ORCID ID: 0000-0002-2544-9184; ashishkina@hse.ru

^f ORCID ID: 0000-0003-2798-7880; eivanov@hse.ru

Abstract. The collapse of the Soviet system in the North Caucasus was accompanied by re-Islamization, which, among other things, was facilitated by growing influence of the religious and governmental actors from the Middle East. The upsurge of Islam manifested the increased demand for religious education. Some Muslims in Russia, mostly middle-age ones, and the elders, stood for restoration of pre-Soviet Islamic traditions. Others, the youth, oriented to the Middle East. In Russia non-secular schools and universities are still poorly regulated by the state, and therefore Islamic educational centers remain in the "grey zone". On the other hand, being excluded from the state-based system of public school and higher education, unregulated Islamic education in the North Caucasus may shape a seething environment for socio-political destabilization. The authors conclude that two dimensions can be distinguished in the context of the problems and challenges of the Islamic education system in Russia. The first, short-term one, is associated with the modernization of the teaching format itself. It implies introduction of general humanitarian subjects and disciplines in educational programs. As for the long-term prospects, in this case it would be possible to refer to the experience of the world's leading religious educational centers. Modern Russian Islamic educational centers may borrow its organizational model and branding strategy without hiring foreign lecturers. Eventually, the system should become a self-reproductive one under which graduates would make up a stratum of teachers, scholars and other professionals including those whose activity is not related to Islam directly.

Keywords: Russia, North Caucasus, Dagestan, Middle East, Islamic education, Islam, terrorism

Acknowledgements. The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation (research project No. 19-18-00155 "Islamist extremism in the context of international security: threats for Russia and opportunities for counteraction").

For citation: Issaev L.M., Shishkina A.R., Ivanov E.A. Islamic education in Russia: Local experience and the influence of the Middle East. *Asia and Africa today*. 2022. № 1. Pp. 5-14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018302-4

ВВЕДЕНИЕ

Распад советской системы сопровождался ростом интереса к религии. В национальных республиках Северного Кавказа, где искоренение религиозного сознания переживалось особенно остро (см.: [1-3]), свои позиции начал восстанавливать ислам. Вместе с этим повысился запрос на исламское образование со стороны жителей северокавказских республик. Активно в эти процессы вовлекались младшие поколения. Свой вклад в реисламизацию внесли страны Ближнего Востока (напрямую и косвенно), оказавшие поддержку мусульманским общинам России. В 1990-х гг. в связи с увеличением роли ислама в политике ближневосточный регион превратился в мощный идеологический центр. Параллельно возникло множество неконвенциональных течений, включившихся в борьбу за умы. Это породило новые вызовы и угрозы. С открытием границ и глобализацией всплеск исламистского экстремизма стал представлять опасность и для России, особенно на Северном Кавказе [4; 5].

Как отмечает российский исламовед Ахмет Ярлыкапов, реисламизация на Северном Кавказе приобрела различные формы. В западной его части ислам возрождался практически с нуля, образуя особый сплав - т.н. «народный ислам». При этом важную роль играло как зарождающееся местное духовенство, так и миссионеры из соседних северокавказских республик (прежде всего из Чечни и Дагестана). В восточной части Северного Кавказа, напротив, даже во времена советской власти «существовали влиятельные суфийские группы, были авторитетные богословы; оставалась полноценная система религиозного образования» [6]. Не удивительно, что ранний постсоветский период стал временем стремительного становления множества исламских образовательных учреждений именно на северо-восточном Кавказе.

Несмотря на улучшение ситуации, Северный Кавказ остается одним из наиболее беспокойных регионов постсоветской России, поскольку сохраняются риски радикализации рядовых мусульман и вовлечения их в террористическую деятельность. Негативные тенденции вновь проявились в середине 2010-х гг. в связи с возникновением «Исламского государства» (ИГ). Кроме того, российские ВКС начали операцию в Сирии, после чего террористические группировки стали считать Россию одним из своих главных врагов. Вероятно, это может служить одной из причин череды терактов, совершенных в 2016-2017 гг. Например, убийство в декабре 2016 г. посла России в Турции Андрея Карлова. Как утверждает, нападение было совершено в ответ на воздушные удары России по позициям ИГ в боях при Алеппо. А в апреле 2017 г. гражданин России чеченского происхождения, воевавший на стороне ИГ в Сирии, устроил взрыв в вагоне петербургского метро, убив и ранив несколько десятков человек.

Летом 2016 г. «Исламское государство» разместило 9-минутный видеоролик в *YouTube*, в котором террористы обратились к своим последователям с призывом начать джихад в России¹. Глава ФСБ России А.Бортников заявил о подготовке терактов в России боевиками, находящимися за рубежом, а также отметил, что существует большая угроза всплеска террористической активности со стороны боевиков, которые массово возвращаются с Ближнего Востока².

При этом угрозы главарей ИГ в отношении России были не голословными. К 2015 г. многие лидеры террористического подполья на Северном Кавказе присягнули на верность лидеру ИГ Абу Бакру аль-Багдади и потребовали, чтобы их примеру последовали все прочие боевики³. Главой «Вилаята Кавказ» (филиала ИГ на Северном Кавказе) стал Рустам Асельдеров, который ранее возглавлял подпольную ячейку «Имарата Кавказ» в Дагестане. Ранее российские силовики нанесли серьезные удары по подполью, которое к тому же распадалось из-за внутренних противоречий. Поэтому, когда в конце июня 2014 г. аль-Багдади объявил себя «халифом» и сразу же назвал Россию и США главными врагами исламского мира, сторонники «Имарата Кавказ» увидели в этом возможности для себя. Так, ИГ привлек не только кавказское подполье, но и радикалов одиночек со всего постсоветского пространства. Ввиду большого количества выходцев из стран бывшего СССР в рядах ИГ, а также растущей доли сторонников ислама в этом макрорегионе, русский язык входил в тройку наиболее популярных языков пропаганды ИГ [7].

¹ Боевики ИГ записали видео с угрозами в адрес России. *Известия.ру*. <https://iz.ru/news/624777> (accessed 17.05. 2020)

² ФСБ: главарь банд на Ближнем Востоке готовит бандподполье на Кавказе. *Известия.ру*. <https://iz.ru/news/624081#ixzz4Fb7pyUyt> (accessed 17.05.2020)

³ Аваков А. ИГИЛ угрожает России: чего ждать от террористов, которые вернутся на Кавказ. *MK.RU*. <https://mk.ru/politics/2015/10/29/igil-ugrozhayet-rossii-chego-zhdatt-ot-terroristov-kotorye-vernutsya-na-kavkaz.html> (accessed 17.05.2020)

Проведенные нами ранее исследования позволили выявить всплеск террористической активности в России в 2016 г. более чем в 3 раза [8], что фактически стало воплощением угроз со стороны лидеров ИГ в адрес России. Большинство террористических актов, произошедших в 2016 г., были совершены в северокавказском регионе, а ответственность за них взяло на себя именно ИГ.

Высокий потенциал конфликтогенности, а также тот факт, что в настоящее время Северный Кавказ и, в частности, Дагестан являются лидерами среди российских регионов по числу исламских образовательных учреждений, делает этот регион наиболее резонансным с точки зрения возможных трансформаций системы исламского образования.

В России до сих пор эта сфера слабо институционализирована и практически не регулируется светскими властями. Учитывая специфику работы исламских вузов, федеральный закон «Об образовании» оставляет деятельность исламских учебных заведений в «серой зоне». Некоторые из них имеют государственную лицензию, что дает право осуществлять образовательную деятельность, но ни один исламский вуз не получил аккредитацию, позволяющую выдавать дипломы государственного образца. Следовательно, выпускники таких вузов ограничены в своих карьерных перспективах.

В этой связи возникает закономерный вопрос, связанный с содержательной составляющей подготовки выпускников исламских учебных заведений на Северном Кавказе. Являются ли исламские вузы «прививкой» от радикализации мусульман или же формируют кипучую идейную среду, которая может породить новые вызовы стабильности в регионе? Из чего следует ещё одна дилемма: должно ли государство проводить политику содействия исламским образовательным инициативам (и каким образом?) или же активность подобных учреждений должна быть ограничена?

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Распространение и утверждение ислама на территории современной России датируется VII-VIII вв. и во многом было связано с правлением Омейядских халифов и их завоеваниями в Закавказье, доходившими до Дербента. Так ислам проник в Дагестан, после чего постепенно расширял свое влияние в регионе, а на территории современного Дагестана формировались очаги исламской науки (например, медресе в селекции Цахур), влиявшие на весь северо-восточный Кавказ [9].

Система исламского образования на Северном Кавказе изначально складывалась как трехступенчатая и состояла из коранической школы, мактаба и медресе. Несмотря на определенные ограничения, такая система была довольно эффективной, позитивно влияя на общий уровень грамотности. Исламское образование было престижным и востребованным. Для жителей горных районов это был чуть ли не единственный канал получения знаний [10].

Примечателен опыт Южного Дагестана, обеспечивавшего образованными людьми и преподавателями не только своей регион, но и Йемен, Сирию и другие страны мусульманского мира [10]. В VIII в. строительство соборной мечети для совместного пятничного намаза и 7-ми квартальных мечетей, предназначенных для ежедневной молитвы, способствовало тому, что Дербент стал средоточием культурной жизни мусульманской общины, а со временем превратился в крупный духовный центр на Северном Кавказе, доступный не только арабоязычным переселенцам, но и представителям местных народов, перешедших в ислам [11].

Особенностью развития исламского образования в Дагестане стало то, что здесь не только репродуцировали известные на тот момент работы исламских богословов, но и создали собственную разнообразную литературу на арабском языке [12], что в последующие века способствовало широкому распространению арабского языка на Северном Кавказе и превращению его в язык образованности.

Система исламского образования в разных регионах Российской империи была независимой от государства и существовала, в основном, за счет добровольных пожертвований родителей учащихся, закатов и т.д. Однако исламские институты признавались имперским правительством, и со второй половины XVIII в. до 1917 г. произошел быстрый рост числа мечетей, медресе и мактабов, в тюркоязычных регионах. Как отмечает Агнес Кефели, исследователь из Университета Аризоны (США), традиционное исламское образование среди жителей Среднего Поволжья способствовало исламизации тюркских народов этого региона и заложило основу для развития модернистского ислама в России [13], что связывало его с мусульманским «возрождением» в Османской империи.

Так, во второй половине XIX - начале XX вв. получила распространение идеология джадидизма и предпринимались попытки внедрения новых методов обучения, в т.ч. расширения спектра преподаваемых дисциплин за счет светских наук, включая русский язык. Принципы джадидизма были направлены на подготовку мусульманской интеллигенции к последующему включению в решение политических и идеологических проблем российских мусульман [14]. К началу XX в. система исламского образования включала в себя два компонента: а) традиционного, связанного с классическими принципами мусульманского богословия - в этом случае образование было нацелено на решение внутриконфессиональных проблем, происходила

адаптация к российским реалиям, а выпускники не были востребованы за пределами самой уммы, и б) джадидского, в рамках которого выпускники получали возможность легче адаптироваться в различных сферах российского общества [14].

Несмотря на то, что на территории Северного Кавказа описанные идеи обновления не получили широкого распространения [10], большинство консервативных правоведов не видели проблемы во внедрении гуманитарных и естественно-научных дисциплин. Светские дисциплины преподавались во многих медресе со времени их основания в Дагестане, и медресе становились зачастую центром не только религиозных наук, но и светских. Камнем преткновения становились непосредственно личности тех, кто были проводниками этих реформ - джадидиты, помимо инновационных взглядов на обучение, имели ряд расхождений с исламской ортодоксией в вопросах суфизма, калама, таклида и иджтихада.

В Дагестане главным предметом обсуждения и поводом для открытой вражды было неприятие традиционалистами ревизионистских попыток джадидитов в отношении взглядов на возможность иджтихада в современном мире, обязательности следования мазхабам и деятельности местных суфийских братств. То есть, ортодоксальные улемы противились не новым дисциплинам, а распространению идей «исламского модернизма», зарождавшегося тогда в Египте. Таким образом, разделение на джадидитов и традиционалистов вовсе не строилось на отношении к сторонним дисциплинам, а касалось гораздо более глубоких и не очевидных для сторонних наблюдателей вещей. Поэтому попытки представить историю исламского образования на Кавказе и, в целом, в России как некий путь эскапизма и идеологически выверенного курса на самоизоляцию от гуманитарных и естественно-научных дисциплин, которая часто встречается у советских авторов, оказываются выстроенными на изначально ограниченном понимании внутри-исламского дискурса прошлого века. Однако четкой системы исламского образования, в целом, к началу XX в. в России не сложилось.

В то же самое время пусть и далекая от совершенства система исламского образования, существовавшая в дореволюционной России, фактически была разрушена в советское время [15]. Ислам вытеснялся из общественной жизни страны, а профильные вузы сохранились только в Узбекистане [14; 16]. В результате, высшая и средняя ступени обучения были разрушены. Выжило лишь начальное образование, став более частным и тайным [10; 17].

БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ

Постсоветская реисламизация Северного Кавказа может рассматриваться как реакция на распад советской системы и сопутствующую аномию, а с другой стороны - как возвращение к исламской традиции, существовавшей в досоветский период, [18].

Можно сказать, что постсоветский период был временем религиозного энтузиазма: после нескольких десятилетий идеологической монополии и декларируемого атеизма религия снова стала играть важную роль в жизни людей. Вслед за этим начали открываться мусульманские учебные заведения. Возникновение первых из них относится к концу 1980-х гг. и, как правило, они финансировались зарубежными мусульманскими благотворительными организациями [14]. Вместе с распадом советской системы инфраструктура исламского образования начала постепенно восстанавливаться, однако фактически она стала воспроизводить традиционную модель, которая существовала в регионе в начале XX в. Досоветское исламское образование охватывало только уровень начальной школы. Как пишет А.Ярлыкапов, официальному исламскому образованию стали составлять конкуренцию «ваххабистские» учебные центры, отличающиеся внедрением военной подготовки и политико-идеологической индоктринацией как частью образовательной практики [10].

Интенсивная динамика постсоветских лет отразилась на дагестанских сообществах, в т.ч. дав толчок к переобретению религии, поскольку за годы встраивания в советскую идеологическую матрицу несколько поколений т.н. «этнических мусульман» сформировались во внеисламской среде. В 1990-е гг. этот разрыв, длиной в несколько десятилетий, стал заполняться со стремительной силой [19], делая этот процесс не поступательным, а хаотичным, что лишь приводило к новым противоречиям относительно того, что есть ислам и кого считать правоверным мусульманином. Уже начиная с перестройки, некогда существовавшие религиозные движения реактуализировались, а также появились новые; набирали силу такие тенденции, как распространение ваххабизма и одновременно - развитие суфийских тарикатов [20].

По мере того, как росли возможности для путешествий, усиливалось иностранное влияние, что сыграло важную роль в распространении салафитского фундаментализма. Жители Северного Кавказа не только совершали хадж, но и стремились получить международное образование, что привело к потере уважения к местному духовенству, которое, как правило, было старше и менее образовано [20].

Следует отметить, что концепция ваххабизма в контексте Дагестана фактически не связана с движением Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба (1703-1792), и представители этих движений не называют себя вахха-

битами. Это слово используется как собирательный образ для обозначения всех радикальных, по мнению властей, религиозных течений.

Конечно, ваххабиты в Дагестане не являются однородной группой. Однако их основу составляют молодые образованные люди. Часть из них получили религиозное образование на Ближнем Востоке, другие же учились в дагестанских религиозных центрах, созданных выпускниками ближневосточных вузов, вернувшись в Дагестан и открывшими там образовательные учреждения. При этом в деятельности таких учреждений обнаруживалось множество отклонений от «чистой» религии в исламских практиках Дагестана [21]. Ваххабитский дискурс был внедрен в политическую повестку республики, поскольку новые религиозные группы не были готовы к диалогу с властями, и последние были вынуждены вступить в союз с традиционным религиозным истеблишментом для борьбы с ваххабитами и мобилизовать Москву на борьбу с ними.

Тарикаты, влияние которых также усилилось в постсоветский период, являлись противовесом угрозам, связанным с т.н. «ваххабитами», из-за своей ориентации на местных шейхов и некоторых других особенностей. Тарикаты возникли в Дагестане в XIX в. и послужили духовным ответом на вырождение традиционного образа жизни из-за возросшего влияния Российской империи [20]. Таким образом, их можно считать традиционной формой ислама для Дагестана, но это верно только в отношении постсоветского периода, когда они воспринимались как оппозиция ваххабизму. В советское время представители тарикатов подвергались репрессиям или действовали подпольно.

Одной из тенденций постсоветского периода было вовлечение населения (в т.ч. женщин) в исламские образовательные структуры. Эта тенденция могла быть связана с интуитивным пониманием ими неоднородности религиозной ситуации в республике.

В 1992 г. был издан закон «Об образовании», предусматривавший формирование федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС). Среди них были ФГОСы по направлениям «Теология» и «Религиоведение». Это открыло возможности для начала подготовки богословов среди представителей различных конфессий в государственных и негосударственных вузах. Исламские религиозные учебные заведения открылись в Москве, Казани, Нижнем Новгороде и Махачкале. В то же время стало понятно, что развитие «внеконфессионального» богословия практически невозможно, и образовательный стандарт был расширен за счет предметов, преподаваемых во всех университетах - таких, как философия, социология, иностранные языки и др., а также история религий, право и т.д. [22].

Одной из главных тенденций 1990-х гг. для мусульманской молодежи стала также возможность получать высшее исламское образование за рубежом. Невозможность получить качественное исламское образование на родине подталкивала молодых людей массово уезжать за границу для обучения, что привело к усвоению ими идей и традиций, не характерных для мусульман России, а иногда и восприятию радикальных настроений [23].

Зайд Абдулагатов, зав. отделом в Институте истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, отмечает, что и в настоящее время исламское образование, полученное за рубежом, способствует салафитизации мусульман в Дагестане и провоцирует усиление межконфессиональной напряженности [24]. Так, Домитилла Саграмосо, преподаватель лондонского *King's College*, фиксирует тот факт, что различные исламские джамааты, возникшие в мусульманских республиках российского Северного Кавказа в начале 1990-х, зарождались как мирные религиозные организации. Но затем часть из них превратилась в боевые ячейки, схожие с джихадистскими движениями по всему миру [25]. Таким образом, можно предположить, что во многом поддержка развития собственной школы религиозного образования была связана с попыткой преодоления рисков описанных выше тенденций [10].

Нулевые годы характеризовались стабилизацией стихийного роста числа исламских образовательных учреждений, а также формированием ядра преподавателей религиозных дисциплин и собственных образовательных программ, а также были разработаны методики преподавания. О необходимости создания единой системы исламского образования неоднократно говорил председатель Духовного управления мусульман (ДУМ) РФ Равиль Гайнутдин [16], один из инициаторов учреждения Совета по исламскому образованию РФ (СИО) в 2010 г. Главными задачами Совета стали разработка образовательных стандартов и учебных программ, получение государственной аккредитации. Изначально Совет объединил более 20 учебных заведений, принадлежащих различным духовным управлениям и мусульманским организациям. Впоследствии список вузов и средних учебных заведений расширился [14; 16].

В 2006 г. также Советом муфтиев России была разработана Концепция развития исламского образования в России⁴, в которой в общих чертах обрисовывалась система исламского образования и программа действий - в частности, утверждение образовательных стандартов, аттестация исламских учебных заведений, унификация выдаваемых дипломов и т.д. А принятая в 2015 г. Концепция подготовки специалистов с

⁴ См.: <https://muslim.ru/articles/281/8580/> (accessed 17.05.2020)

углубленным знанием истории и культуры ислама уже в большей степени была сфокусирована на противодействии распространению радикальных исламских идей.

Современная система исламского образования, как и в прежние времена, состоит из трех уровней. Первый, начальный, зарождается в семье и религиозных группах в мечетях и направлен на формирование духовно-нравственного потенциала. Второй - базовый, представлен медресе и связан с овладением навыками обучения и развитием практических компетенций. При этом возможны различные траектории освоения этой ступени образования: одновременное обучение в школе и дополнительное - в медресе, обучение только в медресе после 9 класса, а также в медресе после завершения 11 класса школы. Третий уровень, высшей подготовки, связан с исламскими вузами и дает возможности профессионального совершенствования [26].

Среди проблем на пути развития и институционализации системы исламского образования в России наиболее часто исследователями отмечаются следующие: определение сфер профессиональной занятости выпускников, повышение престижности их деятельности [15], лицензирование и аккредитация, перспективы подготовки специалистов социально-гуманитарного и педагогического профиля, вопросы преподавания теологии в светских университетах [22], а также кадровые проблемы и оплата труда выпускников-имамов [14].

Одним из факторов, определяющих развитие системы исламского образования, исследователи также считают отношение к ней самих учеников и студентов, а также их родителей. Так, если, скажем, в Татарстане перевес на стороне родителей, которые хотели бы, чтобы их дети получали образование в области религии, то в Дагестане это соотношение оказывается обратным: число старшеклассников, которые видят свое дальнейшее профессиональное образование в этой сфере, превышает число родителей, разделяющих похожую точку зрения [15].

Описывая влияние процесса обучения в исламских вузах на свою жизнь, студенты исламских вузов отмечали, что стали более сдержанными и начали проявлять интерес к получению образования. «Я была непослушная, а сейчас изменилась на 180 градусов можно сказать. Религия же нас призывает к хорошему отношению к родителям», - отмечает студентка Дагестанского исламского университета. «Я сидела в телефоне, ничем не интересовалась, а оказывается, есть столько вещей, которые могут меня заинтересовать», - говорит студентка из Дагестанского гуманитарного университета (ДГИ).

Таким образом, налицо большая уверенность в себе как результат обучения в исламском вузе. Эта ситуация выглядит особенно проблемной в республике, где есть сильный запрос на формирование религиозной идентичности у постсоветской молодежи и где действительно повышены риски радикализации, в борьбе с которой официальное исламское образование как раз могло бы выступить нивелирующим инструментом.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВЫЗОВЫ

За 30 лет с момента распада Советского Союза на Северном Кавказе возникло множество исламских учебных заведений, что стало ответом на возросший запрос на религиозное самовыражение со стороны рядовых мусульман и острую на нехватку квалифицированных служителей культа. Развитие отрасли религиозного образования также связано с определенными вызовами, среди которых можно выделить следующие.

В первую очередь, речь идет о сопряжении деятельности исламских образовательных учреждений с нормативно-правовой базой РФ. В частности, это касается процедуры выдачи государственной лицензии и аккредитации, позволяющих исламским школам и вузам заниматься соответствующей деятельностью и предоставлять выпускникам дипломы единого образца.

Последнее достаточно важно, поскольку без сертификата о наличии высшего образования крайне сложно устроиться на приличную работу. Здесь следует обратить внимание на два аспекта данной проблемы.

Во-первых, отсутствие аккредитации и как следствие диплома государственного образца у выпускников исламских вузов. Это означает, что лица, окончившие исламские университеты в России де юре остаются людьми без высшего образования, что существенно ограничивает их дальнейшие траектории трудоустройства.

Во-вторых, сам по себе рынок труда для лиц, имеющих высшее религиозное образование даже в условиях Дагестана, крайне ограничен. Молодые люди выбирают исламские учебные заведения как религиозную траекторию карьеры с относительно понятными перспективами найти работу в будущем. На деле сфера деятельности выпускников зачастую ограничивается духовной или научной областями, и приходится искать альтернативные варианты, в том числе, например, работу в системе ФСИН по предотвращению радикализации заключенных.

Из вышесказанного вытекает и другой вызов, связанный с невозможностью удовлетворения запроса на религию со стороны населения в полном объеме. Большинство выпускников высших исламских учебных заведений Дагестана оказываются либо безработными, либо вынуждены заниматься работой, требующей низкой квалификации, многие из них испытывают чувство фрустрации и обиды как на официальных представителях духовных организаций, так и на государство. Что, в свою очередь, делает их потенциальным объектом вербовки со стороны и подпольных ячеек, остающихся в России, и экстремистских структур, базирующихся на Ближнем Востоке. Таким образом, уровень подготовки и, в целом, образовательной среды в исламских учебных заведениях может быть легко перехвачен радикальными течениями, предлагающими молодым людям яркие картинки своей деятельности и использующими агрессивные техники рекрутинга.

Опрошенные нами руководители исламских вузов Дагестана отмечали, что выпускники, получившие «правильное» исламское образование не застрахованы от «ухода в лес»⁵. Это, по их мнению, связано со сложностями поиска работы, коррупцией и в немалой степени - популярностью и авторитетностью радикальных движений.

Здесь важно отметить точку зрения, преобладающую среди многих студентов, выпускников и преподавателей исламских вузов Дагестана, что они могли бы прибегнуть к протестным действиям в «любой ситуации против ислама». С некоторыми оговорками (к примеру, относительно одобрения протестных действий джамаатом или отстаивания своих прав в рамках Конституции РФ), большинство респондентов выразили готовность участвовать в протестных акциях в случаях, угрожающих их религиозной идентичности.

Еще одна серьезная проблема - низкий уровень подготовки. Основной методологической сложностью на этом пути является фокус исламских вузов на корановедении в его базовом воплощении - чтении и заучивании текста Корана, а также физической подготовке. Практически во всех высших исламских учебных заведениях есть хорошо оборудованные спортзалы, а хорошая физическая подготовка является таким же неотъемлемым атрибутом выпускника исламского вуза, как и знание священных текстов. Нередко выпускные экзамены для студентов сводятся именно к проверке заученных сур и аятов Корана, а в качестве итоговой аттестации предлагается выучить весь Коран наизусть. При этом заучивание религиозных текстов, как правило, осуществляется за счет игнорирования гуманитарных и социальных дисциплин. В условиях отсутствия предметов, направленных на выработку навыков критического мышления и самостоятельного толкования священного текста, студенты и выпускники закономерно оказываются особенно подверженными влиянию различного рода толкований, в т.ч. радикального характера.

Наконец, проблема финансирования исламских вузов также несет в себе потенциальные риски социально-политической нестабильности. Большинство вузов либо получают символическую поддержку со стороны муфтиятов, либо не получают ее вовсе. Во многом существование исламских учебных заведений становится возможным благодаря пожертвованиям со стороны третьих лиц. При этом студент исламского вуза, как правило, получает полное обеспечение на протяжении всего периода обучения. Нехватка бюджетной поддержки чревата тем, что исламские вузы начинают ориентироваться на своих спонсоров и меценатов и в меньшей степени - на государство. Также есть и более глубокая проблема: студенты исламских вузов нередко испытывают чувство глубокой несправедливости по отношению государства к исламской религии.

«Студенты и выпускники конкретно нашего вуза, они несут обществу духовно-нравственное, патриотическое воспитание молодежи. Даже несмотря на то, что вуз не имеет государственной поддержки, он несет большую пользу. А что было бы, если бы у вуза была господдержка? Эта польза увеличилась бы в разы!», - говорит студентка Дагестанского гуманитарного института (ДГИ).

Здесь также следует отметить и ревностное отношение не только по отношению к светским учебным заведениям, но и к христианским. Так, например, другая студентка ДГИ в Махачкале на вопрос, должно ли государство им помогать, отвечает: «Да, конечно. В России каждый может выбирать свою религию, поэтому я не думаю, что не нужно. Если им помогаете, и нам помогайте».

Представители государства признают необходимость поддержки исламского образования и его интеграции в единое образовательное пространство [22]. Среди основных участников реализации стратегии развития исламского образования в России стоит выделить: Духовное управление мусульман, СИО, исламские вузы, медресе, центры повышения квалификации имамов и преподавателей исламских учебных заведений, государственные вузы и Фонд поддержки исламской культуры [14].

Базовым посылом со стороны государства по отношению к исламским вузам является призыв к стандартизации учебных планов и программ, а также расширение спектра преподаваемых дисциплин за счет светских предметов, что как раз могло бы способствовать унификации системы исламского образования.

⁵ Так в Дагестане принято говорить о лицах, присоединившихся к радикальным структурам (*прим. авт.*).

Тем не менее, здесь стоит учитывать тот факт, что в настоящее время исламские вузы на Северном Кавказе во многом выполняют функцию социализации той прослойки молодежи, которая может быть склонна к радикализации и у которой есть сильный запрос именно на религиозную составляющую образования. В этом случае перспектива получить «стандартное» университетское образование, пусть и с исламоведческим уклоном, не будет соответствовать стратегиям выстраивания их самоидентификации и может возникнуть риск потери этой регуляторной функции исламских университетов.

Кроме того, с учетом гетерогенности исламского дискурса в муфтиятах регионов России, идея выстраивания некой единой, унифицированной по стандартам светского образования, системы смотрится, как минимум, искусственной и оторванной от реальных запросов на образование со стороны исламских общин. Российский исламовед Игорь Алексеев называет создание такой системы вопросом чисто техническим, но отмечает: «В лучшем случае, это будет светское образование с исламоведческой составляющей, годное для подготовки функционеров и администраторов в сфере государственно-конфессиональных отношений, но оно не будет иметь никакого веса в религиозной среде, т.к. квалификация мусульманского ученого - богослова и правоведа - ни в какой мере не определяется государственными образовательными стандартами Российской Федерации» [27].

С другой стороны, существуют сложившиеся и наработанные веками традиции исламского образования в таких ближневосточных центрах, как, например, Аль-Азхар в Каире или Исламский университет имама Мухаммада ибн Сауда в Эр-Рияде и др. Авторитет этих учебных заведений высок среди представителей мусульманской уммы и может быть серьезным стимулом к поступлению в вуз, сформированный хотя бы формально по такому образцу. К тому же, достаточно широк спектр отраслей для трудоустройства выпускников - научная, духовная или медицинская сферы, а также возможность получить высокооплачиваемую работу в качестве переводчика.

Тем не менее, со стороны российского государства наблюдается настороженность, иногда небезосновательная, по отношению к религиозным идеям, привнесенным из-за рубежа. Так, приглашение иностранных преподавателей или развитие программ студенческого обмена может восприниматься как почва для распространения чуждых российскому исламу идей и, как следствие, потенциальной радикализации молодежи.

Особо подчеркнем, что понятие «традиционного ислама» в России является крайне размытым и, как правило, напрямую связывается с лояльностью того или иного направления существующему политическому курсу. И в этом смысле, в контексте перспектив развития системы исламского образования в России, можно было бы говорить только о закладывании фундамента российской школы понимания ислама, главным образом - через систему исламского образования. А попытки насаждения некой единой общероссийской системы, как уже было отмечено, представляются искусственными и не способными отвечать религиозным запросам населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из рассмотренных в статье проблем и вызовов системы исламского образования в России можно выделить два измерения, в контексте которых возможно ее дальнейшее развитие и/или реформирование.

Первое, краткосрочное, связано с модернизацией самого формата преподавания в сторону добавления пула общегуманитарных предметов и дисциплин, способствующих выработке навыков критического мышления и самостоятельного толкования текстов у студентов. В перспективе это может стать основой для формирования собственной теологической школы и формирования основ «традиционного ислама» для России.

При выработке долгосрочной стратегии можно обратиться к опыту ведущих ближневосточных религиозных образовательных центров, прежде всего, Университета аль-Азхар в Каире. Достаточно заимствовать организационную модель и маркетинговую стратегию, не привлекая при этом зарубежных («потенциально опасных») преподавателей, а наладив подготовку собственных квалифицированных кадров. Такие меры требуют устойчивого финансирования в противовес зарубежному. Всё это также могло бы способствовать как поддержанию высокого авторитета образовательных учреждений среди молодежи. Приток студентов, а также вольных слушателей, в университеты может служить профилактикой радикализации, и позволит решить многие кадровые вопросы в будущем, поскольку выпускники получили бы возможность работать не только в духовной и научной сферах, но и в более прикладных отраслях, включая профессии, напрямую не связанные с религией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курайши Д.А. Исламский фактор в политическом процессе современной России (на примере республик Северного Кавказа): докторская диссертация. М.: МГУ, 2009.

2. Ракитянский Н.М., Зинченко М.С. 2014. Политико-психологическая динамика реисламизации Северного Кавказа. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* № 2, с. 52-71.
3. Ярлыкапов А.А. 2013. Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России. *Сравнительная политика.* № 3, с. 133-155.
4. Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018. ISBN 978-5-227-07511-6
5. Стрельцов Д.В. (под ред.). Россия и страны Востока в постбиполярный период. М.: Аспект Пресс, 2014.
6. Ярлыкапов А.А. Современный ислам на Кавказе: глобальное и региональное. *МГИМО.* 04.03.2015. <https://mgimo.ru/about/news/experts/268592/> (accessed 17.05.2020)
7. Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаяев А.В., Шишкина А.Р. 2018. Инструменты «мягкой силы» ИГ: типология и оценка эффективности. *Азия и Африка сегодня.* № 12, с. 3-10. DOI:10.31857/S032150750002565-3
8. Исаев Л.М., Коротаяев А.В., Медведев И.А., Айсин М. 2020. Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность. *Вестник РУДН. Серия: Политология.* № 4, с. 713-730.
9. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана: материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала: ДагФАН СССР, 1964.
10. Yarlykapov A. 2003. Revival of Islamic Education in the Northern Caucasus. *Central Asia and the Caucasus.* № 1, pp. 166-168.
11. Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем. *Вестник Евразии: Образование.* 2003, с. 5-31.
12. Буттаева А.М., 2018. Общий взгляд на состояние исламского образования в современном Дагестане. *Образование и духовная безопасность.* № 1, с. 9-14.
13. Kefeli A.N. Becoming Muslim in imperial Russia: Conversion, apostasy, and literacy. Cornell University Press, 2014.
14. Мухаметшин Р.М., 2015. Стратегические направления развития мусульманского образования в России. *Ислам в современном мире.* № 4, с. 35-46.
15. Шаповалов А.В. 2011. Проблемы институционализации исламского образования в современной России. *Власть.* № 3, с. 107-110.
16. Гайнутдин Р.В. Ислам: Ответ на вызовы времени: выступления, статьи, интервью, документы. 1994-2008 гг. М.: Эксмо, 2011.
17. Ахмадуллин В.А., 2015. Особенности советской системы двухуровневой подготовки исламских кадров: опыт и уроки. *Ислам в современном мире.* № 2, с.153-164.
18. Bobrovnikov V. 2001 Al-Azhar and Shari'a Courts in Twentieth Century Caucasus. *Middle Eastern Studies.* № 4, pp. 1-24.
19. Ware R., Kisriev E., Patzelt W., Roericht U. 2003. Political Islam in Dagestan. *Europe-Asia Studies.* № 2, pp. 287-302.
20. Kisriev E., & Ware R. 2002. Irony and political Islam: Dagestan's spiritual directorate. *Nationalities Papers.* № 4, pp. 663-689.
21. Gammer M. 2002. Walking the tightrope between nationalism(s) and Islam(s): the case of Dagestan. *Central Asian Survey.* № 2, pp. 133-142.
22. Shmonin D. 2013. Theology in Secular and Denominational Universities in Contemporary Russia: Problems and Prospects for the Development of Religious Education. *Islamic Education in Secular Societies.* Frankfurt am Main. Pp. 237-246.
23. Хайретдинов Д.З. 2012. Основные тенденции развития мусульманских образовательных учреждений России. *Евразия: духовные традиции народов.* № 3, с. 47-49.
24. Абдулагатов З.М. 2014. Влияние зарубежного исламского образования на конфессиональное сознание мусульман Дагестана. *Исламоведение.* № 3, с. 77-87.
25. Sagramoso D. 2012. The Radicalisation of Islamic Salafi Jamaats in the North Caucasus: Moving Closer to the Global Jihadist Movement? *Europe-Asia Studies.* № 3, pp. 561-595.
26. Калимуллин Р.Х. Модернизация трёхуровневой системы исламского образования. *Фундаментальные исследования.* 2015, № 2.
27. Алексеев И.А. Подавляющее большинство мусульман ведет мирный образ жизни. *Газета.ru.* 21.05.2013. https://gazeta.ru/science/2013/05/21_a_5330973.shtml (accessed 17.05. 2020)

REFERENCES

1. Qurayshi D.A. 2009. Islamic factor in the political process of modern Russia (on the example of the Republics of the North Caucasus): Doctoral thesis. Moscow (In Russ.)
2. Rakityansky N.M. & Zinchenko M.S. 2014. Political and psychological dynamics of the re-Islamization in the North Caucasus. *Moscow State University Bulletin. Series 12. Political Science.* . Pp. 52-71. (In Russ.)
3. Yarlykapov A.A. 2013. Islam in the Caucasus and its influence on conflict in the region and in Russia. *Comparative Politics,* pp. 133-155. (In Russ.)
4. Vasiliev A.M. 2018. From Lenin to Putin. Russia in the Near and Middle East. Moscow. (In Russ.). ISBN 978-5-227-07511-6
5. Streltsov D.V. (ed.) 2014. Russia and the countries of the East in the post-bipolar period. Moscow. (In Russ.)
6. Yarlykapov A.A. Contemporary Islam in the Caucasus: Global and Regional. *MGI MO.* (In Russ.). <https://mgimo.ru/about/news/experts/268592/> (accessed 17.05.2020)
7. Vasiliev A.M et al. 2018. Tools of ISIS 'soft power': typology and efficiency assessment. *Asia and Africa Today.* № 12, pp. 3-10 (In Russ.). DOI:10.31857/S032150750002565-3
8. Issaev L.M. et al. 2020. Islamic terrorism in the Middle East and its impact on world security. *RUDN Bulletin. Series: Political Science.* № 4, pp. 713-730. (In Russ.)
9. Ramazanov Kh.Kh. & Shikhsaidov A.R. 1964. Essays on the history of Southern Dagestan: materials for the history of the peoples of Dagestan from ancient times to the beginning of the 20th century. Makhachkala. (In Russ.)
10. Yarlykapov A. 2003. Revival of Islamic Education in the Northern Caucasus. *Central Asia and the Caucasus.* № 1, pp. 166-168.

11. Yarlykapov A.A. 2003. Islamic education in the North Caucasus in the past and present. *Bulletin of Eurasia: Education*. (In Russ.)
12. Buttayeva A.M. 2018. General view of the state of Islamic education in modern Dagestan. *Education and spiritual security*. Pp. 9-14. (In Russ.)
13. Kefeli A.N. 2014. Becoming Muslim in imperial Russia: Conversion, apostasy, and literacy. Cornell University Press.
14. Mukhametshin R.M. 2015. Strategic directions for the development of Muslim education in Russia. *Islam in the Modern World*. Pp. 35-46. (In Russ.)
15. Shapovalov A.V. 2011. Problems of the institutionalization of Islamic education in modern Russia. *Power*. Pp. 107-110 (In Russ.)
16. Gaynetdin R.V. 2011. Islam: Responding the challenges of the time: speeches, articles, interviews, documents. 1994-2008. Moscow. (In Russ.)
17. Akhmadullin V.A. 2015. Features of the Soviet system of two-level training of Islamic personnel: experience and lessons. *Islam in the modern world*. Pp. 153-164. (In Russ.)
18. Bobrovnikov V. 2001 Al-Azhar and Shari'a Courts in Twentieth Century Caucasus. *Middle Eastern Studies*. № 4, pp. 1-24.
19. Ware R., Kisriev E., Patzelt W., Roericht U. 2003. Political Islam in Dagestan. *Europe-Asia Studies*. № 2, pp. 287-302.
20. Kisriev E., & Ware R. 2002. Irony and political Islam: Dagestan's spiritual directorate. *Nationalities Papers*. № 4, pp. 663-689.
21. Gammer M. 2002. Walking the tightrope between nationalism(s) and Islam(s): the case of Daghestan. *Central Asian Survey*. № 2, pp. 133-142.
22. Shmonin D. 2013. Theology in Secular and Denominational Universities in Contemporary Russia: Problems and Prospects for the Development of Religious Education. *Islamic Education in Secular Societies*. Frankfurt am Main. Pp. 237-246.
23. Khairtdinov D.Z. 2012. The main trends in the development of Muslim educational institutions in Russia. *Eurasia: Spiritual Traditions of Peoples*. Pp. 47-49 (In Russ.)
24. Abdulgatov Z.M. 2014. Impact of foreign Islamic education on the confessional consciousness of Muslims of Dagestan. *Islamic Studies*. № 3, pp. 77-87 (In Russ.)
25. Sagramoso D. 2012. The Radicalisation of Islamic Salafi Jamaats in the North Caucasus: Moving Closer to the Global Jihadist Movement? *Europe-Asia Studies*. № 3, pp. 561-595.
26. Kalimullin R.Kh. 2015. Modernization of the three-tier Islamic education system. *Fundamental Studies*. № 2. (In Russ.)
27. Alekseev I.A. Most of Muslims lead a peaceful life. *Gazeta.ru*. (In Russ.). https://www.gazeta.ru/science/2013/05/21_a_5330973.shtml (accessed 17.05. 2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Исаев Леонид Маркович, к.полит.н., доцент НИУ ВШЭ; ст.н.с. ИАФР РАН и РУДН, Москва, Россия.

Leonid M. Issaev, PhD (Political Science), Associate Professor, HSE University; Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences & RUDN University. Moscow, Russia.

Шишкина Алиса Романовна, к.полит.н., ст.н.с. НИУ ВШЭ и ИАФР РАН, Москва, Россия.

Alisa R. Shishkina, PhD (Political Science), Senior Researcher, HSE University & Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Иванов Евгений Александрович, м.н.с. преподаватель, Департамент политики и управления, НИУ ВШЭ, Москва, Россия; м.н.с. РУДН, Москва, Россия.

Evgeny A. Ivanov, Junior Researcher, Lecturer, School of Politics and Governance, HSE University, Moscow, Russia; Junior Researcher, RUDN University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.09.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.11.2021

Принята к публикации
(Accepted) 12.12.2021